

Женихи

Жил-был купец богатый. Были у него три дочери. Первая на ногу крива, вторая на руку крива, третья раскрасавица: кто не взглянет, умом повянет! А кругом села были глубокие леса.

Вот сидят девицы у окошечка. Вдруг стук-гром, поезд молодцов едет. На каурых лошадях, на гнедых жеребцах. Молодцы — рослые, красивые. Один в одного. Голос в голос и волос в волос. Синие кафтаны, красные пояса.

За старшей отец давал три тысячи, за средней две тысячи, а за младшей двести рублей. Потому те обе незавидные, а младшая и красивая, и работная.

Ну, наехали молодцы на купеческий двор. Они на младшую не глядят и на среднюю не глядят, старшую взамуж берут. Эта старшая заравалась. Они ее просватали, наложили полны подводы товару, добра да денег. Отец спрашивает: «Когда, молодые, в гости будете?» — «А в межговенье». — «А где ваш дом стоит?» — «За три села — высока гора, наш двор издали виден!»

А младшая и глядит, что у братьев у кого пальца нет, у кого уха нет, будто на войне рублены.

Ну, они уехали.

Долго ли, коротко ли, приходит и межговенье, а молодых в гости нет. Вдруг наехали тридцать девять братьев в красных кафтанах, в синих поясах. Стали среднюю дочь взамуж брать. «А когда же молодые в гости будут?» — «А в великий пост».

Ну, они среднюю срядили. Добра всякого навалили полны возы. И стали пировать. А младшая девушка и думает: «Что это они берут кривых при деньгах, а на меня не смотрят? Что это сестра в межговенье не пригостилась, да и вести не дает? Что это за двор у них?»

Ну и скоро-наскоро села в таратайку и поехала. Пока они угощались-напивались, переехала она три села, видит — стоит высокая гора. А на той горе ни кола ни двора. Три сосны стоят да камня. Ну, значит, все как есть обман. Она скорей домой поехала. Тут идет старая старушка. «Садись,

бабушка, ноги не труди». — «Ты откуда, девушка?» — «Так и так, ездила на гору женихов двор смотреть, а там ни кола ни двора». — «А эти-то мне племянники. У них, девушка, дом в зеленом лесу. От вашего села тридцать три версты, в правую руку, третья дорожка, по дорожке сизая птичка поскакивает».

Вот приехала девушка домой. А там уже молодые поезжают. Она побежала да в постелю и запряталась. Они и поехали. Она на возке лежит, под постелью дрожит, еле дышит. Ну, едут они тридцать три версты, свернули в праву дорожку. На дорожке птичка поскакивает: «Девка, не езд, девка, не езд!» Невеста спрашивает: «Что-то птичка попискивает?» — «А так пищт. Заиграйте, братцы, в гармонь». Они и заиграли. А птичка: «Девка, не езд, девка, не езд!» Они пуще играть. Тут уж птичка громче пищт: «Девка, не езд, девка, не езд!» — «Ишь какая, музыке мешает!»

Взял разбойник и убил птицу камнем.

Ну, доехали до двора. Двор забором загорожен, из щелей ружья торчат, на воротах замки висят. Собаки злые на цепях бегают. Пошли все в горницы. И постелю понесли — в угол горницы свалили. Лежит девушка и глядит. Горница богатая: в серебре, жемчугом шитая, а дух, запах то есть, нехороший такой. И молодая за стол села, голову повесила. Ну, жених и говорит: «Две тысячи в сундуки кладите, а хозяйке дом покажите».

Те открыли сундуки, а там золота, серебра, жемчуга... Ну, они туда деньги ссыпали.

Открыли двери в другую комнату, невеста так на пол и пала: вся комната кровью залита, всюду руки-ноги человечьи, на переднем столбце старшая сестра виснится! «Ну, — говорит жених, — снимай платье дорогое, чтобы не замарать, и тебе туда же идти».

Ну, они с нее платье, крест, обувь — все сняли. Принесли топор. А сестра лежит ни жива ни мертва. Невеста и охнуть не успела, они ей голову срубили! «Таци, Тишка, в подвал!» — «Стой, братцы, а кольцо на ней обручальное». Стали кольцо снимать, а оно и не идет — захолодела рука. «Бей, Тишка, с пальцем». Тот тукнул, да палец отлетел и прямо к девушке в постелю. Тот туда-сюда, давай искать — нет нигде. «Ну, спать пора, завтра в свете найдем, все свои ведь».

И легли спать. Только они захрапели, она и выбралась. А они по всей горнице развалились, пройти нельзя. Она через одного перескочила, через

другого перескочила, через всех перескочила, дверь открыла и выбежала. А дверь и скрипни. Они и кликают: «Ванька, ты? Санька, ты? Пашка, ты?» Все тридцать девять на местах. «Кто-то у нас чужой побывал, в дверь вышел! Нать в погоню идти».

Схватились и поехали.

А она бежит, палец сестрин в кармане держит. Добежала до росстани — не знает куда идти, а гром-шум слышен — разбойники едут. Она туда-сюда... А тут птичка закричала: «Девка, влево, девка, влево!» Она и побежала влево. Бежит, бежит — погоня близко. Утро стало. Вот едет черепан: «Дяденька, дяденька, спрячь меня под горшки». — «Садись».

Она и залезла под горшки. Налетели разбойники: «Черепан, не видал ли беглую девку» — «Не видал».

Они давай горшки быть. Били-били — полсотни перебили. Черепан и говорит: «Что вы меня разоряете? Я вам худого не сделал, а у меня дети голодом сидят». Они и не стали бить: «Где-то мы ее сзади потеряли!»

Поехали назад. Она из-под горшков вылезла и дале побежала. Бежала, бежала — погоня близко. Едет мужик, везет коробья. «Дяденька, дяденька, спрячь меня!» — «Садись».

Разбойники наехали: «Не видал ли беглую девку?» — «Не видал». Они стали коробья ломать. Ломали-ломали — сто штук сломали, ее не нашли. Мужик говорит: «Что вы коробья ломаете? У меня дети с голоду помрут!»

Они и бросили ломать. И поехали. А она выскочила и побежала. Вдруг увидела тропочку, и птичка кричит: «Девка, на тропку, девка, на тропку!»

А она по этой тропке и домой добралась.

Ну, великий пост приходит, сестра в гости не едет.

А наехали тридцать восемь разбойников в черных кафтанах красавицу сватать.

И она созвала пир большой — и царя, и полковников. И велела полковнику привести роту солдат и говорит: «Вот эти молодцы двух моих сестер засватали. Одна уехала и не слышать ничего, другая уехала и не слышать ничего. Одна должна была на межговенье прийти — не пришла. Другая в великий пост обещалась, и нет ее. Говорили они, что у них через три села

двор стоит, на высокой горе со всех сторон видно. А на той горе — ни кола ни двора. Одни сосны растут».

Эти разбойники повскакивали, а солдаты их за стол усадили. А она говорит: «Есть у них дом в зеленом лесу, в этом дому кровь и руки-ноги человечьи. Там обеих моих сестер кончили». А они кричат: «Врешь, чем докажешь?»

А она вынесла кольцо с мертвым пальцем да и бросила им: «Это, — говорит, — что?!»

Они тут и сознались. Их всех казнили, а ее царь взамуж взял.

(Зап. от И. Гольчикова, 20 л., д. Лебская на Мезени.)

Сказки и предания Северного края. Запись, вступ, ст. и коммент. И. В. Карнаухова. Л., 1934.